

Лидия

© О. Л. ДОВГИЙ,
кандидат филологических наук

Статья посвящена истории существования в русской поэзии имени *Лидия*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, Гораций, Лидия.

Лидия – имя греческое, происходящее от названия области в Малой Азии и означающее уроженку этой местности. Известность ему принесла св. Лидия из Тиастиры (Деян. 16:14). В поэзию имя ввел Антимах из Колофона (род. ок. 444 до н.э.), родоначальник «ученой поэзии», написавший в элегических дистихах поэму «Лидиа», посвященную смерти возлюбленной.

В русскую поэзию имя, по мнению многих ученых, пришло из Горация. Лидия – одна из ветреных возлюбленных поэта; считается, что в его стихах речь идет о трех разных Лидиях. Гораций «...смотрит как бы со стороны на своих многочисленных героинь, всех этих лидий, хлой, левконой, барин и т.п., с изяществом, а иногда и с легкой иронией рисуя их непостоянство, легкомыслие, их преходящие увлечения и мимолетные печали...» [1]. По замечанию М.Л. Гаспарова, «...в какую бы Лику, Лиду или Хлою ни был влюблен Гораций, он влюблен лишь настолько, чтобы всегда было можно “уйти восвояси”... Несговорчивым подругам он рисует черную картину старости, настигающей неумную Лидию или Лику...» [2]. Две главные горацанские темы, связанные с Лидией, усвоенные русской поэзией, можно сформулировать так: Лидия

прекрасна – но не одна (есть много других красавиц) и не вечна (ее красота обречена на увядание).

Отметим, что первой в русской поэзии появилась уменьшительная форма *Лиды*. И в дальнейшем эта краткая хорейческая форма казалась русским поэтам предпочтительнее дактилической *Лидии*, труднее ложащейся в строку.

В эпиграмме А.Д. Кантемира «На старуху Лиду» нарисован откровенно сатирический портрет бывшей прелестницы: «На что Друз Лиду берет? дряхла уж и седа, / С трудом ножку воробья сгрызет в половеда. – / К старине охотник Друз, в том забаву ставит; / Лидой медалей число собранных прибавит».

Если к именам *Темира* и *Пленира* подобрать рифмы было легко (*лира–мира–кумира*, и т.д.), то с *Лидией* было сложнее. Универсальной оказалась рифма «поэтическая» – *Лидия–Овидия*, найденная уже в XVIII веке: «Пезей недавно жил – живет Буфлер – Овидий: / В стихах и на платне он пишет нежных Лидий / И в обществе не тратит ничего» (М.Н. Муравьев «Послание о легком стихотворении А.М. Бр<янчанинову>»). Употребление имени во множественном числе (практически как нарицательное) – тоже знак иронического отношения.

XVIII век задал тон легкого отношения к имени Лидия, считавшемуся чисто условным. Поэты пушкинской поры переняли эту горацянскую тональность.

В поэзии лицеистов Лидия встречается очень часто. Отношение к ней, всем доступной «жрице Венеры», не слишком серьезное: «Свиток истлевший с трудом развернули. / Напрасны усилья: / В старом свитке прочли книгу, известную всем. / Юноша! к Лиде ласкаясь, ты старого тоже добьешься: / Лиды подчас и тебе вымолвит слово: люблю» (А. Дельвиг «Эпиграмма»).

А. Илличевский, однокашник Пушкина и Дельвига, в стихотворении «История пяти дней» так описывает типичную схему отношений с этой прелестницей: «Открыться Лидии не смея, / Я в первый день ее любил; / На завтра, несколько смелее, / Ей тайну сердца объявил; / День ото дня нетерпеливей, / На завтра руку ей пожал; / На завтра, прежнего счастливей, / У милой поцелуй сорвал; / На завтра, миртами венчанный, / Я осчастливлен был вполне; / Но в тот же день, непостоянный, / Я пожалел о первом дне».

У Пушкина в лицейских стихах о Лидии постоянно присутствуют горацянские мотивы грядущей старости, скорого увядания. «Твоя краса, как роза, вянет; / Минуты юности бегут / Ужель мольба моя напрасна? / Забудь преступные мечты, / Не вечно будешь ты прекрасна, / Не для себя прекрасна ты», – напоминает поэт юной Лидиньке («Платонизм»). В стихах, посвященных Лидии, часто упоминается смерть; то шутивно: «О Лиды, если б умирали / С восторгов пламенной любви...» («Послание

к Лиде»), то более серьезно. Так, в стихотворении «К молодой вдове», посвященном веселой француженке Марии Смит, поэт уговаривает возлюбленную не угрызаться из-за нарушения обета супружеской верности, поскольку супруга уже нет в живых: «Лида, друг мой неизменный.../... Вечно ль слезы проливать, / Вечно ль мертвого супруга / Из могилы вызывать?.. / Нет, разгневанный ревнивец / Не придет из вечной тьмы...».

И после Лицея имя Лидия не уходит из поэзии бывших однокашников. Поэма «Граф Нулин» кончается эффектным акцентом: «Смеялся Лидин, их сосед / Помещик двадцати трех лет». Фамилия, произведенная Пушкиным от имени, безусловно, говорящая: «Лидин» – обожатель всех «прелестных Лидий», в число которых попадает и Наталья Павловна.

Интересный эксперимент с именем провел А. Дельвиг. В 1821 году он пишет по просьбе С.Д. Пономаревой стихотворение «На смерть собачки Амики» в подражание оде Катулла «На смерть воробья Лесбии»: «Горько плачут амуры и грации. / Нет игривой собачки у Лидии, / Нет Амики, прекрасной и ласковой. / И Диана, завидуя Лидии, / Любовалась невольню Амикою... / Не делила Амика любви своей: / Нет! любила одну она Лидию...». Дельвиг меняет реальное имя «София» на условное – но не на имя «Лесбия» из оды Катулла и не на имя «Дашинька» из известного перевода А. Востокова, а на горацианское имя Лидия (рифма «граций–Гораций» была общеупотребительной; и слово «грации» в конце строки неминуемо влекло напоминание о Горации, хотя его имя и не было упомянуто в тексте). Так Дельвиг, смешивая трех поэтов (двух римских и одного русского), с присущим ему остроумием, повышает градус поэтической условности имени Лидия. Оба шуточные «лидийские» сочинения лицейских друзей были опубликованы в «Северных цветах на 1827 год».

В пушкинскую эпоху *Лидия* действительно очень популярна. У К. Рылеева читаем: «Свершилось наконец! Я Лидой обладаю / И за протекшие страдания мои / В награду пламенной любви / Теперь в восторгах утоаю!» («Счастливая перемена»). Дружбой Лидии наслаждается герой А. Бестужева-Марлинского: «Приди и сердце оживи / Очей волшебным светом, / Невинной ласкою любви, / Младенческим приветом!» («Лиде»). Е. Баратынский бесцеремонно указывает Лиде на ее место – она не принадлежит к избранным ценителям высокой поэзии: «Твой детский вызов мне приятен, / Но не желай моих стихов: / Немногим избранным понятен / Язык поэтов и богов... / он его; / Поет один, подобный в этом / Пчеле, которая со цветом / Не делит меда своего» («Лиде»). У А.И. Одоевского Лида – греческая девушка, заслужившая мщение самого Анакреона. Презрительно отозвавшаяся о возрасте Анакреона, Лида под воздействием его пения загорается страстью к седому поэту: «Вздрогнула Лида и замлела, / И грудь любовью закипела, / И яд по жилам пробежал» («Амур-Анакреон»).

В 1776 году к источникам появления Лидии в русской поэзии добавляется Гёте, создавший цикл «Стихи Лиде», посвященный Шарлотте фон Штейн. Элегиями Гёте вдохновлялся, например, Аполлон Майков: «Кого полюбишь ты – всецело / И весь, о Лидия, он твой, / Твоей всей душой и без раздела! / Теперь мне жизнь, что предо мной...» («Из Гёте»); «Много я видел венков, много видел цветов и цветочниц, / Не было только одной – маленькой Лиды моей!» («Поэт и цветочница. Гётевская элегия»).

Приведенные примеры, расширяя генеалогические связи имени Лидия, лишний раз подчеркивают его книжность. Заимствовать это условное поэтическое имя можно было из разных источников, и выбор зависел лишь от вкуса и уровня образованности русских поэтов.

Во второй половине XIX века Лидия продолжает жить в русской поэзии как условное имя. Например, Л. Мей воспринимает Лидию через искусство античной камен: «Что Требония, Ливия, Лидия? / Ты им скажешь наверно: “прощай”, / И наверно – Назона Овидия / Ты сошлешь на холодный Дунай...» («Кесарь Октавий Август и Юлия»). Отметим знакомую рифму «Лидия–Овидия» и употребление имени в перечислении – в ряду прочих ей подобных красавиц, сменяющих друг друга на ложе императора. В стихотворении «Фантазии» он выстраивает ряд в духе ироничного XVIII века: «В Риме и Афинах Фрины были, Лиды, / Ветреные жрицы пламенной Киприды...».

У Н.П. Огарева встречаем знакомую горацянскую тему «Лидия в старости»: «Когда ты, грустная, слезу стерев с ресницы, / Задумчиво глядишь на прошлый путь, / Не видишь в будущем ни проблеска зарницы / И ищешь день убить бы как-нибудь...» («К Лидии»).

Если условные имена *Темира* и *Пленира* использовались как «вторые» (светские) имена реальных женщин (Темира – жена графа Д.И. Хвостова; Пленира – жена Г.Р. Державина) [3], то с именем Лидия этого не произошло, поскольку оно из области условных перешло в область реально используемых: Лидиями стали часто называть новорожденных девочек.

Поэзия фиксирует эту тенденцию. Н.А. Некрасов начинает «обытовление» имени: сводит его с поэтических высот на землю, продолжая традицию иронического (даже сатирического) отношения к его носителнице. Лидия из сатирической поэмы «Первый шаг в Европу» «...дражайшая супруга – / Ужасно горяча: как будто родилась / Под небом Африки; в ней дышат страсти юга!...». И эта горячая помещица едет в Европу, где терпит обидное поражение в драке с «горничной тварью в гостинице». Лидия, привыкшая «в деревне девок стричь / Да надирать виски безгласному холопу», «бушует, словно Терек». Гротескное описание делает эту Лидию откровенно смешной.

Серебряный век оказался счастливым для имени Лидия, чему были разные причины. Во-первых, возрождение интереса к античности, вклю-

чавшее и интерес к именам. См., например, монолог Лидии в «Помпеянке» В. Брюсова: «“Не верь, дитя, что женщины все лживы: / Меж ними верная нашлась одна!” / Так говорила, не дыша, Бледнея, / Матрона Лидия, как в смутном сне, / Забыв, что вся взволнована Помпея, / Что над Везувием лазурь в огне...».

Во-вторых, имя было популярно уже не только в поэзии, но и в реальности. Не исключено, что это факты взаимосвязанные. Случайно или нет – но среди носительниц имени многие имели отношение к литературе: Лидия Чарская, Лидия Зиновьева-Аннибал и ее дочь Лидия, Лидия Гинзбург, Лидия Чуковская и др. В поэзии XX века Лидия присутствует в двух ипостасях: условной и реальной, причем наблюдается стремление к пересечению этих планов.

Вяч. Иванов, чья жена (писательница Зиновьева-Аннибал) звалась Лидия, пишет стихотворение «Ad Lydiam» («К Лидии»), где подробно анализирует семантику имени, его поэтический потенциал: «Что в имени твоём пленит? Игра ль / Лидийских флейт размычивых, и лики / Плясуний-дев? Веселий жадных клики – / Иль в неге возрыдавшая печаль?».

Вл. Ходасевич посвящает стихотворение «Лиде» современной жрице любви: «...И говорят, не мало пятен – / Разгулу отданных ночей – / На женской совести у ней...». Его Лида подчеркнута реальна: «Ее стопы порою босы, / Ее глаза слегка раскосы...», но ее облик рождает многочисленные поэтические ассоциации. Пусть Лида «не знает высоких слов», она сама явление поэзии: «...Но мило мне ее явленье, / Когда на спящее селенье / Ложится утренняя мгла: / Она проходит в отдаленье, / Едва слышна, почти светла, / Как будто Ангелу Паденья / Свободно руку отдала».

В шутилом стихотворении Н. Олейникова, посвященном Лидии Корнеевне Чуковской, также пересекаются поэтическая условность и реальный быт: «Потерял я сон, / Прекратил питание, – / Очень я влюблен / В нежное создание. / То создание сидит / На окне горячем. / Для него мой страстный вид / Ничего не значит. / Этого создания / Нет милей и краше, / Нету многограннее / Милой Лиды нашей... / Пожалейте, Лидия, / Нового Овидия. / На мое предсердие / Капни милосердия!». Известная с XVIII века рифма «Лидия–Овидия» усиливает настроение поэтической игры.

В поэме С. Наровчатова «Пролив Екатерины» Лидия попадает в перечисление «простых» женских имен (явно по контрасту с перечислениями условных Хлой, Делий прошлых веков): «Люблю простые имена!... Кто не влюблялся среди нас / И кто не назначал свиданий / В свой ранний или поздний час / С Наташей, Лидой или Таней?».

Апофеозом Лидии в поэзии XX века стало стихотворение Я. Смелякова «Хорошая девочка Лида»: «Вдоль маленьких домиков белых /

акация душно цветет. / Хорошая девочка Лида / на улице Южной живет...». При всем обилии бытовых деталей («жгуты косиц», веснушки», «синий ситец платья», «портфель» и т.д.) в стихотворении чувствуется стремление к поэтизации образа этой простой девочки: она идет «по миру», влюбленный в нее мальчишка готов зажечь над землей «созвездие Лиды». Л. Гайдай очень любил это стихотворение, читал его на приемном экзамене в институт; в одной из новелл всенародно любимого фильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» герой декламирует его героине, которую зовут Лида. И стихи, и фильм, безусловно, способствовали поэтизации и росту популярности имени Лидия.

Но и иронии в отношении Лиды поэзия XX века не теряет. В детских стихах А. Барто Лида – одно из любимых имен: «Что болтунья Лида, мол, / Это Вовка выдумал. / А болтать-то мне когда? / Мне болтать-то некогда!»; «Я свою сестренку Лиду / Никому не дам в обиду! /... А когда мне будет нужно, / Я и сам ее побью»; «Лида, Лида! Ты мала! / Зря ты прыгалку взяла – / Лида прыгать не умеет / Не доскачет до угла...».

В XX веке Лидия – просто очень популярное женское имя. В 1924–1932 годах оно входило в пятерку самых частых в Москве.

Вот так складывалась жизнь имени, пришедшего из античной литературы в русскую поэзию: от любвеобильной старухи Лидии – через ветреную красавицу – к хорошей девочке Лиде.

Литература

1. *Чистякова Н.А., Вулих Н.В.* История античной литературы. М., 1971. С. 352.
2. *Гаспаров М.Л.* Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 5–38.
3. *Довгий О.Л.* Темира //Русская речь. 2015. № 1.

МГУ им. М.В. Ломоносова